

Е. В. Каблуков

РАССМОТРЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТА КАК ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ

Мы рассматриваем парламентский дискурс как часть политической коммуникации¹. Его специфической целью является осуществление законодательной деятельности, т. е. принятие законов, которые после прохождения всех необходимых процедур переходят в пространство правового дискурса. Содержательно правовой дискурс связан с регулированием социальных отношений. Он представлен системой общеобязательных норм, установленных или санкционированных государством². Основным источником права являются законы. Результат деятельности парламента, таким образом, находится за пределами парламентского дискурса. Это свидетельствует о вторичности парламентской коммуникации, которая призвана обслуживать правовую систему государства.

На материале стенограмм пленарных заседаний Государственной думы (ГД) рассмотрим, как парламентский дискурс взаимодействует с текстом законопроекта. Но прежде отметим, что пленарное заседание нацелено на реализацию повестки дня, основную часть которой составляет рассмотрение законопроектов. Таким образом, инструментом обработки и принятия закона является не пленарное заседание в целом, а рассмотрение (обсуждение) законопроекта. Оно представляет собой вторичный текст, т. е. «текст, созданный на базе другого, первичного текста» со сменой субъекта речевой деятельности: «первичный текст выступает как предмет, а вторичный — как результат этой деятельности»³.

Рассмотрение законопроекта можно сравнить с речевой деятельностью коллектива редакторов (редколлегии). Проекты законов рассматриваются в трех чтениях. В первом коммуниканты оценивают концепцию проекта и определяют, может ли текст после необходимой доработки выйти в свет и стать законом (на аналогичный вопрос отвечают редакторы при первом знакомстве с материалом). Здесь отсеиваются проекты, концепция которых не соответствует действующему законодательству, либо, по мнению думского большинства, противоречит интересам общества. Кроме того, отклоняются некачественно подготовленные проекты, дальнейшая обработка которых невозможна или значительно затруднена, например, в связи с серьезными дефектами смысловой структуры (их можно сравнить с неотредактируемыми журналистскими текстами⁴).

Второе чтение — собственно редакторская правка, в процессе которой согласуются политические интересы. Изменение проекта осуществляется путем принятия поправок. Текст дорабатывается и изменяется так, чтобы его содержание удовлетворяло всем юридическим требованиям и интересам субъектов, способ-

КАБЛУКОВ ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ — ассистент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Каблуков Е. В., 2006

ных повлиять на его принятие. Интересно, что при этом обсуждаются уже два текста. Формально — это тексты поправки и законопроекта. Но с другой стороны, процесс можно представить как обсуждение двух альтернативных текстов одного законопроекта: существующего и потенциального (текста с учетом данной поправки).

Специфика третьего чтения — рассмотрение готового (отредактированного) текста. Здесь происходит его окончательное принятие или отклонение. Обычно проекты, дошедшие до этого этапа, принимаются. Исключение составляют проекты, потерявшие актуальность за время нахождения в ГД.

Мы показали, что обсуждение законопроекта имеет общие черты с другими вторичными текстами, например, с рассмотрением редколлегией журналистского материала. Однако очевидна и его специфика.

Законопроект — это, пожалуй, единственный текст, в официальном обсуждении которого одновременно могут принимать участие почти пятьсот человек⁵. При этом все они находятся в одном пространстве, т. е. общаются «лицом к лицу». Для того чтобы организовать такое общение и не допустить коммуникативного хаоса, необходимы четкие правила игры, регулирующие деятельность коммуникантов⁶.

Итак, процесс рассмотрения законопроекта строго регламентирован. Нормы и правила в основном носят формальный институциональный характер (это официальные документы, обязательные для исполнения), что объясняется спецификой дискурса⁷. Они определяют, что может и должно быть сделано (сказано) в той или иной ситуации тем или иным коммуникантом. Таким образом, правила игры, зафиксированные в нормативных актах, можно рассматривать как составляющую парламентской дискурсивной практики⁸.

Другая особенность рассмотрения законопроектов связана с тем, что ГД является представительным органом⁹. Депутаты и депутатские объединения представляют интересы различных социальных групп. Часто эти интересы можно назвать противоположными. Результатом присутствия в парламенте разных политических сил являются отношения агональности, которые проявляются как концептуальное столкновение аргументации «за» и «против» при рассмотрении законопроектов.

Открытое проявление агональности имеет форму парламентской полемики, ориентированной на массового «адресата-наблюдателя»¹⁰, который не принимает непосредственного участия в данном обсуждении, но играет важную роль в политическом процессе, определяя в ходе выборов новый состав органов законодательной власти.

Воспроизведение и интерпретация текста законопроекта. Предметом речи обсуждения как вторичного текста является рассматриваемый законопроект. Для его обозначения используется полное название проекта (заголовок), а также иные способы номинации¹¹. Обычно заголовок озвучивается два-три раза. Дважды его произносит председательствующий: в начале обсуждения (вводит предмет речи) и перед голосованием (по требованию регламента). Часто заголовок проекта повторяется в докладе. В остальных случаях, как правило, используются другие спо-

собы номинации, что связано с большим объемом заголовка законопроектов. Например, вместо *Федеральный закон «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых положений законодательных актов Российской Федерации»* говорится *изменения в Налоговый кодекс*.

Но законопроект представлен в обсуждении не только номинационной цепью. «Интенция второго автора может заключаться в том, чтобы воспроизвести первичный текст в вариативном виде, приспособив его для каких-то особых целей»¹². Так, докладчик и содокладчик, как правило, передают содержание законопроекта. Отмечая достоинства и недостатки, предлагая изменения и обсуждая поправки, другие депутаты также обращаются к его содержанию. В результате в тексте рассмотрения появляются элементы, передающие содержание первичного текста. Обычно это пересказ всего законопроекта или его части:

...Вашему вниманию предлагается проект федерального закона... который направлен на усиление административной ответственности нарушителя в статьях 8.1, 8.2 и 8.4 главы 8 КоАП (об экологических правонарушениях)... (В. С. Степаненко).

Действующие в настоящее время размеры административных штрафов несоизмеримо малы по сравнению с ущербом, который наносится окружающей среде. Поэтому законопроектом предлагается повысить их размеры... (А. Н. Харитонов).

...В статье 8.41, которая предусматривает специальный состав правонарушения, возникает конкуренция двух норм, потому что несвоевременное внесение платы за загрязнение окружающей среды, честно говоря, по сути является невнесением платы за это загрязнение... (А. В. Логинов).

Это фрагменты из обсуждения проекта ФЗ о внесении изменений в КоАП, состоявшегося 9 июня 2005 года. И докладчик (представитель Мосгордумы В. С. Степаненко), и содокладчик (А. Н. Харитонов) коротко передают содержание данного законопроекта. Это необходимо, для того чтобы обосновать выводы, содержащиеся в выступлениях. В качестве вывода в докладе и содокладе всегда содержится рекомендация принять или отклонить законопроект. Проанализировав содержание проекта, оба оратора в данном случае пришли к одному выводу и предложили палате проголосовать положительно. Третий фрагмент — отрывок из выступления представителя правительства А. В. Логинова — раскрывает содержание не законопроекта в целом, а одной из его статей. Говорящий обращается к тексту проекта, для того чтобы объяснить суть своего замечания.

В некоторых случаях участники обсуждения предпочитают дословно воспроизводить рассматриваемый законопроект:

Скажите, пожалуйста, каким образом нормы вашего законопроекта стыкуются друг с другом? В частности, во-первых, цитирую: «Настоящий федеральный закон устанавливает дни славы русского оружия — дни воинской славы». Вот каким образом подпадают под это понятие 25 января и 12 декабря? (С. И. Чаплинский, 1 июля 2005 г.).

Что нам предлагают авторы?.. прямо сейчас могу несколько примеров привести: «в абзаце первом части 2 слова “с 1 января 2006 года” заменить словами “с 1 января

2008 года»». В чем смысл? Авторы исключают право уже избранных органов местного самоуправления осуществлять свои полномочия до 2008 года на всех уровнях, хотя концептуально Михаил Игнатьевич говорит: да нет, пусть они хоть с утра начинают работать (В. Е. Кузнецов, 8 июля 2005 г.).

Говорящие цитируют первичный текст. Такой прием позволяет наглядно показать, какой фрагмент текста вызывает нарекания. В первом случае актуализированный фрагмент первичного текста сопоставляется с другим фрагментом законопроекта. Таким способом оратор демонстрирует логические погрешности текста. Депутат В. Е. Кузнецов сопоставляет норму законопроекта с тем, что говорил докладчик, и также выявляет несоответствия. Таким образом, критикуя отдельные тезисы текста, коммуниканты имеют целью либо инициировать изменение данного текста, либо обеспечить отрицательное голосование по данному пункту повестки дня.

Приведенные примеры показывают, что обсуждение предполагает воспроизведение первичного текста в разных формах. Однако, в отличие от «текстов-синонимов»¹³, обсуждение не ограничивается таким воспроизведением. Цель говорящего не в том, чтобы передать содержание законопроекта, а в том, чтобы с помощью воспроизведения первичного текста подтвердить истинность своих выводов и оценок. Подобной интенцией обладают тексты, принадлежащие к жанру рецензии¹⁴. Предметом речи, рецензии также является первичный текст. Он интерпретируется вторым автором, в результате чего во вторичном тексте создается образ первичного, возникает «текст в тексте», который находится в центре процесса, осуществляемого вторыми авторами¹⁵. Точно так же обсуждение содержит не сам текст законопроекта, а его образ. Этот образ отражает содержание первичного текста, но в процессе отражения содержание изменяется: появляются новые смыслы, вносимые интерпретаторами¹⁶.

Учитывая значительное количество коммуникантов и разницу их политических взглядов, можно предположить, что в рамках одного обсуждения возникают несколько образов (интерпретаций) одного проекта. Так законопроект становится предметом полемики:

Законопроект направлен на то, чтобы органы местного самоуправления полноценно и гарантированно могли осуществлять полномочия, связанные с решением вопросов местного значения (М. И. Гришанков, фракция «Единая Россия»).

И позиция моя совершенно понятна и ясна: законопроект в нынешней редакции разрушителен и не решает тех задач, о которых здесь сегодня говорят. Однако всю политическую ответственность и за принятие закона, и за попытку его остановить несет «Единая Россия»... Поймите, эта безумная редакция завтра будет разослана по всей России и те, кто действительно профессионально занимается этими проблемами, будут плакать и смеяться, немало удивляясь безграмотности высшего законодательного органа России. Пусть уж эту оценку гордо несет на своем знамени самая-самая ответственная фракция. И поделом (В. Е. Кузнецов, фракция КПРФ).

Оба оратора говорят об одном и том же законопроекте (его обсуждение состоялось 8 июля 2005 г.). Докладчик (М. И. Гришанков) представляет думское боль-

шинство и позитивно оценивает предлагаемый проект. Представитель КПрФ выражает противоположное мнение. Его речь достаточно агрессивна. Он активно использует оценочную лексику (*разрушительный закон, безумная редакция*). Объектом критики становится не только законопроект, но и фракция, выступающая за его принятие. Этот прием — переход от объектной атаки к субъектной¹⁷ — является типичным для парламентской полемики. Отметим, что субъектная инвектива всегда более агрессивна. Впрочем, здесь концентрация агрессии невелика, что связано с использованием иронии (*самая-самая ответственная фракция*), которая позволяет снизить агрессивность выпада¹⁸.

Ситуационно-регулятивный и законодательный контексты. Образ законопроекта непосредственно связан с той сферой, которую данный проект призван регулировать. Депутаты рассматривают не идеальный текст, обособленный от реальности, а текст в функциональном аспекте, прагматику законопроекта. Поэтому сфера регулирования, как правило, характеризуется при обсуждении:

Увеличение штрафов обусловлено наибольшим количеством правонарушений. По статистике Генеральной прокуратуры и Министерства природных ресурсов Российской Федерации, в 2004 году по сравнению с предыдущим годом количество нарушителей возросло на 30 процентов. Тенденция сохраняется с 2001 года (В. С. Степаненко).

И противно смотреть, когда по стране ездишь: горы, горы и горы мусора (В. А. Овсянников).

Обсуждаемый законопроект предполагает ужесточение ответственности за экологические правонарушения (уже упоминавшийся проект ФЗ о внесении изменений в КоАП). В первом фрагменте докладчик приводит статистические данные, характеризующие неблагополучную ситуацию, которая сложилась с этим видом правонарушений. Во втором речь косвенно идет о том же самом: говорящий жалуется на загрязненность нашей страны, а загрязнители — и есть нарушители экологического законодательства. Назовем это *ситуационно-регулятивным контекстом*, характеризующим положение дел в сфере регулирования законопроекта. Этот контекст раскрывается, для того чтобы мотивировать необходимость принятия или отклонения проекта. Если ситуация оценивается негативно, как в нашем случае, то ее надо менять, приняв соответствующий закон.

Ситуационно-регулятивный контекст можно расширять до бесконечности, во-первых, с помощью сведений (фактов), подтверждающих аргумент о положении дел в сфере регулирования (см. приведенные выше примеры); во-вторых, с помощью тематического расширения, т. е. включения в обсуждение все новых и новых тем, каким-то образом связанных с обсуждаемой сферой регулирования. При этом связь может быть как прямой, так и косвенной. Учитывая, что все социальные процессы взаимосвязаны, найти тему, смежную с обсуждаемой, не представляет труда. Приведем несколько фрагментов из того же обсуждения:

Можно повышать сколько угодно эти штрафы. А если нет возможности у производителя построить такие суперсовременные очистные сооружения? (Т. В. Плетнева).

Законопроект посвящен экологическим правонарушениям. Очевидно, что коммуниканты затронут темы экологии и правонарушений, а в тексте появятся слова из соответствующих тематических групп. Однако депутат Плетнева обращается к другой теме — она говорит о тяжелом положении отдельных хозяйствующих субъектов, т. е. затрагивает сферу экономики. Об этом сигнализирует слово «производитель». Подобный тематический поворот представляется обоснованным, так как в экономической сфере лежит решение многих экологических проблем, о чем и говорится в выступлении:

...Мы поддерживаем инициативу о повышении штрафов... Но все-таки в Москве есть и другие каналы, которые можно было бы подключить, скажем, рекламные, информационные, воздействие со стороны общественности (М. Г. Махмудов).

В данном фрагменте говорится об альтернативных способах воздействия на людей с целью предотвращения экологических правонарушений. В частности, появляется тема информационного воздействия. Вероятно, речь идет о социальной рекламе (*рекламные каналы*), а также о соответствующей корректировке информационной политики СМИ (*информационные каналы*). Тема тесно связана со сферой регулирования обсуждаемого проекта, но не связана с самим проектом (КоАП не предусматривает профилактических мер, тем более таких, как социальная реклама):

И когда мы в Государственной Думе, скажем, принимаем такие вещи, как Земельный кодекс, Лесной кодекс в первом чтении, Водный кодекс, передаем в частные руки землю, лес, воду и говорим, что частник будет более эффективным собственником и будет более бережно относиться к ним, уверяю вас, это не так... И на мой взгляд, только государство может быть рачительным собственником окружающей среды... (В. В. Гришуков).

Используемая лексика (*частные руки, частник, эффективный собственник*) отсылает нас к экономической сфере. Поднимается проблема частной собственности на природные объекты. Говорящий утверждает, что «частник» не может быть эффективным собственником. Данный тезис можно связать с обсуждаемым проектом: неэффективный собственник не будет заботиться об экологии. Но затронутая проблема имеет мало общего с экономикой. Ее появление объясняется политической ориентацией говорящего, который состоит в КПРФ:

Я думаю, конечно, такой законопроект надо поддерживать. Экологическая безопасность, борьба за чистоту — это актуально. И я бы вообще сказал, что если бы наш Комитет по информационной политике занялся экологией вот в информационном плане... Может быть, с этих позиций надо подойти к вот этому мусору информационному, который у нас распространяется через телевидение, радио и газеты, чтобы была административная ответственность введена за соответствующие правонарушения, конкретные факты, те или иные деяния (В. Е. Кузнецов).

В. Е. Кузнецов обращается к теме СМИ (*информационный план, телевидение, радио, газеты*). Депутат Махмудов уже выявил связь массово-коммуникационной деятельности с проблемами экологии (см. выше), но в данном случае между

темами устанавливаются совершенно другие отношения. Говорящий переходит от прямого значения слова «чистота» к переносному. Так появляется проблема информационной чистоты и информационного мусора. Встает вопрос более жесткого контроля за СМИ, не имеющий отношения ни к обсуждаемому законопроекту, ни к сфере его регулирования.

Кроме ситуационно-регулятивного контекста, в обсуждении представлен *законодательный контекст*, раскрывающий связи обсуждаемого проекта с другими законодательными инициативами и нормативно-правовыми актами:

Все началось с того, что в 1991 году был принят закон о реабилитации российских казаков... Но в дальнейшем все регулирование шло подзаконными актами... Например, в 1994 году была утверждена концепция государственной политики в отношении казачества, в 1995 году был издан Указ Президента Российской Федерации «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», и основным законодательным актом... был Указ Президента Российской Федерации от 16 апреля 1996 года «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» (А. С. Косопкин, 18 мая 2005 г.).

Представитель президента делает доклад по проекту ФЗ «О государственной службе российского казачества». Он перечисляет основные нормативные акты, связанные с предлагаемым проектом. В результате в тексте появляется история законодательного регулирования данной сферы. Эта информация позволяет, во-первых, проинформировать слушателей о положении дел в правовом дискурсе и, во-вторых, обосновать необходимость изменения правовой системы посредством принятия обсуждаемого законопроекта.

Редактирование законопроекта. Мы показали, как первичный текст и выделенные контексты представлены в обсуждении. Было отмечено, что вторичный текст содержит элементы рецензирования. Рецензия оценивает первичный текст и может повлиять на его судьбу, например, обеспечить рост продаж и популярность художественного произведения. Однако рецензия не может изменить тот текст, которому она посвящена (она воздействует лишь на образ текста в сознании аудитории). Обсуждение же влияет на форму и содержание первичного текста. Рассмотрим, как происходит такое редактирование:

Безбородов Н. М.: В установленный Государственной Думой срок поступили три поправки к законопроекту, все они Комитетом по обороне рекомендованы к принятию и содержатся в таблице 1...

Председательствующий: Уважаемые коллеги, есть ли замечания по таблице 1 поправок, рекомендуемых комитетом к принятию? Здесь три поправки. Нет. Ставится на голосование таблица 1 поправок, рекомендуемых комитетом к принятию. Кто за? Прошу голосовать... Принято (10 июня 2005 г.).

Этот фрагмент демонстрирует процесс изменения первичного текста. Поправки, разработанные за пределами зала заседания, не озвучены. Их текст имеется у каждого участника обсуждения, потому ссылки на таблицу поправок достаточны, для того чтобы депутаты при необходимости с ними ознакомились. Обратим

внимание на два важных элемента рассмотрения поправок: рекомендацию профильного комитета и вопрос председательствующего о наличии замечаний. Первый оказывает значительное влияние на исход голосования. Второй объясняет лаконичность процедуры: если мнение всех депутатов совпадает с мнением комитета (нет замечаний), то обсуждения поправок не происходит. Если кто-либо из парламентариев не согласен с рекомендацией комитета, начинается рассмотрение поправки с участием заинтересованных сторон, по своей структуре сходное с обсуждением проекта в целом:

Иванов А. С.: Уважаемые коллеги, суть моей поправки заключается в том, что при роспуске президентом Госдумы... депутаты не могут быть выселены из занимаемых ими служебных жилых помещений без предоставления другого благоустроенного жилого помещения в центре города Москвы. Считаю это объективно необходимым и справедливым...

Плигин В. Н.: ...Слово «справедливость», я думаю, действует в пределах только того времени, пока мы являемся депутатами Государственной Думы. Вот это справедливо — в это время пользоваться такого рода привилегией... Поэтому предлагаю поправку отклонить.

Председательствующий: Ставится на голосование поправка 3. Предложение депутата Иванова Анатолия Семеновича — принять, мнение комитета — отклонить. Кто за? Прошу голосовать... Не принимается (22 апреля 2005 г.).

Депутат Иванов обосновывает свою поправку (своеобразный доклад), затем мнение высказывает председатель профильного комитета Плигин (ср. с содокладом). Далее депутаты могут задать вопросы, но в данном случае вопросов нет, поэтому объявляется голосование. Палата поддерживает мнение комитета. Вариант правки текста, предложенный А. С. Ивановым, редколлегию не устроил.

О влиянии профильного комитета на исход голосования свидетельствует один пример. При обсуждении другой поправки В. Н. Плигин четко не обозначил мнение комитета. Его можно было эксплицировать, лишь внимательно слушая выступление оратора. В результате уже объявленное голосование пришлось остановить:

Председательствующий: Включите режим голосования. Остановите голосование. Включите, пожалуйста, микрофон на трибуне.

Плигин В. Н.: Сложно воспринимать материал на слух. Уважаемые коллеги, я предлагаю сохранить редакцию первого чтения, а поправку, которую предлагает депутат Сысоев, отклонить.

Отметим, что каждая поправка должна быть внесена заранее, рассмотрена профильным комитетом и рекомендована к принятию или отклонению. Непосредственно при обсуждении законопроекта внести новую поправку невозможно, но можно изменить формулировку внесенной или, как ни странно, уже принятой поправки:

Шаталов С. Д.: В поправке 15 действительно два раза нужно... вставить слова «от суммы, полученной в результате сложения таможенной стоимости и подлежащей уплате таможенной пошлины»...

Председательствующий: *Спасибо. Уважаемые коллеги, в поправке 15 мы с голоса принимаем уточнения, которые будут внесены в стенограмму. Нам нужно проголосовать по данной юридической правке поправки 15 (6 июля 2005 г.).*

Данный фрагмент показывает, как была отредактирована только что одобренная поправка. В ходе обсуждения один из депутатов обнаружил в ее тексте юридическую погрешность. Представитель правительства Шаталов предложил устранить дефект, что и было сделано. Это редкий случай, когда полный цикл редактирования (от выявления погрешности в процессе редакторского чтения¹⁹ до ее устранения) осуществляется непосредственно на пленарном заседании. Обычно в зале заседаний депутаты оценивают заранее предложенные и предварительно рассмотренные изменения (поправки) и принимают решения по редактированию первичного текста (отклоняют или принимают поправки). Причем, как правило, они соглашались с мнением «редактора-эксперта», специализирующегося на текстах данной тематики (представителя профильного комитета). Большая же часть редакторской работы выходит за пределы обсуждения законопроекта на пленарном заседании.

Следы законотворчества. Используя популярную метафору, рассматриваемый вторичный текст (обсуждение) можно сравнить с вершиной айсберга. Почти вся работа над проектом происходит вне стен зала заседаний. Более того, инициировать создание проекта, подготовить текст и поправки может не только ГД, но и другие субъекты законодательной инициативы²⁰. После того как законопроект поступает в нижнюю палату, он рассматривается в комитетах и комиссиях, а также обсуждается на Совете Думы, где и происходит включение данного проекта в повестку дня пленарного заседания. Законопроект изучается и другими заинтересованными органами, например, Правительством и Администрацией Президента. Вся эта работа оставляет в тексте обсуждения свои следы²¹:

Но в целом наш комитет очень внимательно проект рассмотрел, отнесся к нему с большим уважением, и мы просим Государственную Думу сегодня в первом чтении поддержать, а дальше мы с учетом всех замечаний его доработаем (В. А. Рыжков, 13 апр. 2005 г.).

Но прежде чем говорить о технических поправках, я по просьбе Владимира Вольфовича Жириновского, который выступил на Совете Думы, приведу статистику по российской индустрии безопасности (Г. В. Гудков, 14 янв. 2005 г.).

Вот, Валерий Гаврилович, обратите внимание: тоже согласительная комиссия... Почему комиссия три года не может внести поправки в этот закон, все согласительные процедуры пройти и наконец принять закон? (В. В. Жириновский, 19 янв. 2005 г.).

В. А. Рыжков говорит о деятельности Комитета по делам Федерации и региональной политики, связанной с подготовкой обсуждаемого законопроекта. Сначала описывается проделанная работа — это своеобразная ретроспектива, т. е. взгляд в прошлое. Затем говорящий указывает на то, что еще предстоит сделать, выстраивает перспективу. Соответственно выделяются ретроспективные и перспектив-

ные следы работы над законопроектами, которые отсылают адресата к прошлому и будущему дискурса²². Учитывая наличие интердискурсивных связей, следует признать, что подобные ссылки могут указывать и на другие дискурсы. Второй фрагмент содержит ретроспективный след выступления В. В. Жириновского, которое прозвучало на заседании Совета Думы и касалось обсуждаемого в данный момент законопроекта. Интересно, что упомянутое выступление влияет на актуальную речь оратора. Г. В. Гудков реагирует на просьбу, которая была озвучена вице-спикером Думы на заседании Совета, и приводит требуемые статистические данные. В третьем фрагменте В. В. Жириновский указывает на деятельность согласительной комиссии, созданной для преодоления разногласий по данному законопроекту с целью его дальнейшего принятия. Эта деятельность осуществляется и в настоящем. Назовем такую ссылку актуальной, так как она указывает на актуальное состояние дискурса.

Все приведенные примеры отсылают к деятельности органов ГД, т. е. к разным коммуникативным событиям парламентского дискурса. Это интрадискурсивные следы. Обсуждение также содержит интердискурсивные ссылки, указывающие на законотворческую деятельность непарламентских структур:

Вчера на заседании правительственной комиссии мы рассматривали этот вопрос, и было принято решение согласиться с принятием данного законопроекта в первом чтении... (А. В. Логинов, 12 мая 2005 г.).

То, что президент внес соответствующий законопроект о совмещении выборов федеральных и выборов других уровней власти, говорит о том, что скорее всего такие расходы должны быть... (Г. В. Боос, 15 апр. 2005 г.).

Первый говорящий использует ретроспективную ссылку на деятельность правительственной комиссии, тем самым указывает на участие правительства в работе над обсуждаемым проектом. Второй фрагмент также отсылает к прошлому и содержит информацию о субъекте законодательной инициативы, разработавшем текст проекта.

Таким образом, обсуждение содержит информацию о «судьбе» законопроекта. Эта информация представлена в виде следов, которые можно классифицировать по двум основаниям. Во-первых, по пространственному признаку. С этой точки зрения выделяются интрадискурсивные и интердискурсивные следы. Вторая классификация основана на темпоральной характеристике дискурса. Здесь следует различать ретроспективные, актуальные и перспективные следы, указывающие соответственно на прошлое, настоящее и будущее данного или иного дискурса. Их использование позволяет интегрировать различные «временные срезы» дискурса, а именно: «уже осуществившееся... прошлое», «непосредственно переживаемое настоящее» и «еще не осуществившееся, но уже антиципируемое будущее»²³.

Итак, рассмотрение — это вторичный текст, целью которого является принятие законопроекта. Вторые авторы аккумулируют всю необходимую для этого информацию (содержание первичного текста, данные об условиях функционирования будущего закона, сведения о работе над проектом) и в рамках рассмот-

рения принимают решения, которые обеспечивают изменение и утверждение законопроекта.

¹ «Коммуникация» и «дискурс» здесь используются как нестрогие синонимы. Подробнее о политическом дискурсе см.: *Демьянков В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс. М., 2002. № 3. С. 32–43; Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004; *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000; *Van Dijk T. A.* Political Discourse and Ideology [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.discourse-in-society.org/dis-pol-ideo.htm>

² Ср. с определением права: Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. С. 348.

³ *Майданова Л. М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 81.

⁴ См.: *Майданова Л. М.* Критика речи и литературное редактирование. Екатеринбург, 2001. С. 181–182.

⁵ Хотя практика показывает, что на заседании могут присутствовать менее 50 депутатов (см. стенограмму пленарного заседания 18 мая 2005 г.). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru>

⁶ См., напр.: Регламент Государственной Думы [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru>

⁷ Парламентский дискурс, как и политический дискурс в целом, является институциональным.

⁸ См.: *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996. С. 118.

⁹ Подробнее см.: *Халипов В. Ф.* Энциклопедия власти. М., 2005. С. 214–216.

¹⁰ См.: *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. С. 66.

¹¹ См., напр.: *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 310–364.

¹² *Майданова Л. М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов. С. 81.

¹³ См.: *Сахарный Л. В.* Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982. С. 31.

¹⁴ См.: Аргументация в публицистическом тексте. Свердловск, 1992. С. 130.

¹⁵ См.: *Майданова Л. М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов. С. 91.

¹⁶ Ср. с концепцией модели текста: *Кузнецов В. Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 133.

¹⁷ См.: *Каблуков Е. В.* Концентрация вербальной агрессии в политическом дискурсе // Молодые исследователи журналистики. Екатеринбург, 2006. С. 27–29.

¹⁸ См.: *Майданова Л. М., Соболева Е. Г.* Источники смягчения речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997. С. 61–87.

¹⁹ См.: *Майданова Л. М.* Критика речи и литературное редактирование. С. 12–13.

²⁰ Исчерпывающий перечень субъектов законодательной инициативы приведен в ст. 104.1 Конституции РФ.

²¹ Под следом здесь понимается имеющийся в тексте обсуждения признак того, что работа над первичным текстом велась, ведется или будет вестись за рамками данного коммуникативного события (обсуждения). Данное понятие не связано с термином, разработанным Ж. Деррида. См., напр.: *Деррида Ж.* О грамматологии. М., 2000.

²² Ср. с текстовыми категориями ретроспекции и проспекции: *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 105–113.

²³ *Сапаров М. А.* Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Ленинград, 1974. С. 98.